

Цѣна отд. № 15 коп.
—
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВОЙНА НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 38

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

18 СЕНТЯБРЯ.

ДУМЪ - ДУМЪ.

Рис. А. Радакова.

КОМИТЕТЪ ВЪ ПОЛЗУ РАНЕННЫХЪ ВЪ СЕМЕЙСТВѢ ВИЛЬГЕЛЬМА.

Вильгельмъ (срѣзывая никкелевыя оболочки пуль): — Мы дѣлаемъ пули немного меньшими по размѣру, чтобы бѣдняги раненые не такъ страдали!..

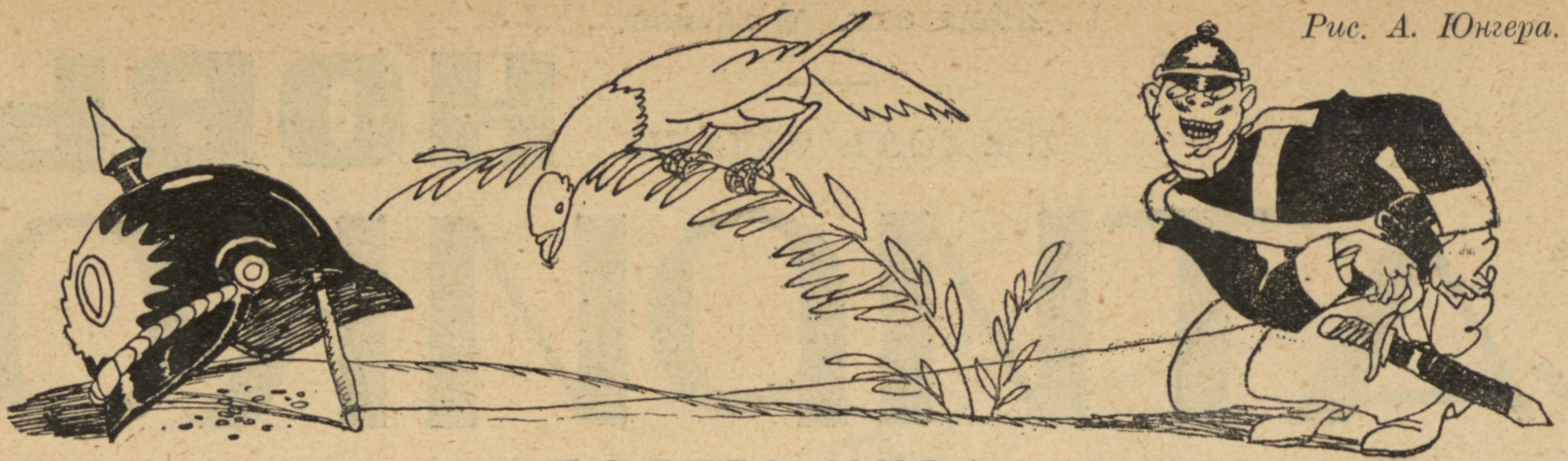

Рис. А. Юнгера.

ГОЛУБЬ МИРА.

Нѣмецъ: — О, Господи! Не попадется ли онъ хоть этакъ!

БАТАЛИСТЫ НА ВОЙНѢ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Газеты сообщаютъ, что для увѣковѣченія сценъ начатой Германіей грандіозной войны — Вильгельмъ послалъ въ дѣйствующую армію нѣсколькихъ художниковъ-баталистовъ.

Послалъ...

* * *

Это была своего рода маленькая вооруженная армія.

Оружіе ихъ было — кисти; зарядные ящики — краски; а полемъ будущихъ битвъ должны были служить громадныя полотна, натянутыя на подрамники.

Бхали бодрые, веселые.

— Вотъ это случай, такъ случай! Въ тысячу лѣтъ разъ такой случай представится.

— Да ужъ... Попишемъ.

— И, главное, то хорошо, что — съ натуры.

— Чего-чего, а натуры — сколько угодно!...

— А, кромѣ того, хорошо, что насъ отправляютъ въ самую гущу военныхъ дѣйствій. То-то насмотримся!

— Что вѣрно, то вѣрно.

* * *

Вдали грохотали пушечныя выстрѣлы, канонада сотрясала воздухъ, но баталисты, не смущаясь этимъ, разставили мольберты, приготовили палитры, кисти и, усѣвшись дружно въ рядъ на скамеечки, усердно принялись за работу.

Вдругъ сзади кто-то всплеснулъ руками и вскричалъ:

— Съ ума вы сошли, что ли? Что вы дѣлаете?!

— Мы-то? — сказали художники благодушно, обернувшись. — А рисуемъ мы. Пишемъ картины.

— Я вижу, что вы рисуете! Да развѣ это можно рисовать?! — проревѣлъ сердитый генераль, сурово оглядывая картины.

— Почему же! Это очень эффектно для живописца: фасадъ дома старинной архитектуры, объятый пламенемъ! Черныя клубы дыма! Красныя языки огня! Силуэты фигуръ, мелькающіе на свѣтломъ фонѣ!! Груды книгъ въ толстыхъ

переплетахъ на первомъ планѣ!!! Какой матеріаль!! Какіе эффекты!

— Чортъ васъ передери съ такими эффектами! Мы подожгли городскую бібліотеку и музей, а вы разсѣлись тутъ и мажете это на полотно! Хороша это будетъ батальная картина!!

— Неужели нехороша? — опечалились художники... — Вамъ, вѣроятно, кажется недостаточно выраженнымъ это пятно темнаго дыма на сѣромъ небѣ. Извольте, его можно усилить...

— Кой чортъ! Эти маляры меня не могутъ понять!! Кажется, простымъ нѣмецкимъ языкомъ я говорю, чтобъ васъ разорвало, — что этого нельзя писать! Императоръ просилъ васъ зарисовывать героическіе батальные сюжеты, а вы — обрадовались! Разсѣлись, какъ пингвины на берегу, и рисуете — нечего сказать — сюжетецъ: «Поджогъ старинной городской бібліотеки и музея!» Проваливайте отсюда! Замажьте вашу мазню краской и уберите!

— Экая жалость! — опечалились баталисты. — А мы только что увлеклись... Какія пятна! Какіе контрасты!

— Вы мнѣ еще поговорите о пятнахъ!.. Хераусъ!!

Баталисты собрали свои краски, кисти, сунули подмышку полотна и, захвативъ скамеечки, гуськомъ побрели на другое мѣсто.

* * *

— Стойте, коллеги! Вотъ это, кажется, сюжетъ... Самый военный сюжетъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— А вонъ! Солдаты тащатъ куда-то двухъ дѣвушекъ. Поглядите, какія у солдатъ веселыя лица. Какой чудесный контрастъ между ними и испуганными лицами дѣвушекъ... Смотрите, какъ красиво выдѣляется рукавъ солдата на полуобнаженной спинѣ дѣвушки. Чудесная по пятнамъ группа. Зарисуемъ ихъ, пока они не скрылись.

— Это что такое?! — проревѣлъ за спинами склонившихся надъ работой художниковъ знакомый генеральскій голосъ. — Опять вы какую-то гнусность мажете?!

— Ничего подобного, генераль, — возразил один художник посмѣлке. — Это типичная батальная сценка, которую мы часто наблюдали... Конечно, может быть, вы недовольны этим черным пятном солдатского мундира на красном фонѣ кофточки...

— Опять вы лѣзете ко мнѣ съ какими-то пятнами?! Замазать! Хороши мы будемъ, если повѣсимъ въ своихъ музеехъ эти картины!! Хераусъ!

— Не везетъ, — со вздохомъ сказали баталлисты, снова собирая свои мольберты и ящики. — И то имъ не хорошо, и это имъ не хорошо! Не знаешь ужъ, что и хорошо.

— Просто придираются.

— И вѣрно. Какія-то все военныя тайны — подумаешь!

— Нечего было насъ тогда и въ армию приглашать...

Согнувшись подъ тяжестью мольбертовъ и табуретовъ, долго бродили по сырому полю, усталые, разочарованные.

* * *

— Вотъ, кажется, подходящій сюжетецъ... Какъ разъ то, что имъ нужно!..

— Гдѣ, гдѣ?!

— А вонъ, у той стѣны. Видишь, нѣсколько мертвыхъ тѣлъ, а вонъ еще живые... Да глядите, господа... Они связаны!! Какія чудесныя линіи спины у той женщины! И священникъ въ черномъ — такъ хорошъ на кирпичномъ фонѣ стѣны. Солдаты, очевидно, подшучиваютъ надъ ними, потому что то цѣлятся, то опускаютъ ружья... Ей Богу, мы успѣемъ зарисовать. Хорошо бы уловить колоритъ дыма изъ ружейнаго дула послѣ выстрѣла... Усаживайтесь, господа... Рудольфъ! Иди ко мнѣ ближе, а то у меня вся индѣйская желтая вышла!

— Ахъ, чортъ! Карандашъ сломался. Досадно!.. А священникъ, какъ разъ, закрылъ лицо руками...

— Коллега, одолжите муштабель, — я свой посѣялъ гдѣ-то

Работа закипѣла.

* * *

— Опять вы тутъ упрѣздились?! Хераусъ!

— Да мы сценку тутъ одну... батѣла, выстрѣлы. Совсѣмъ, какъ война тальную... Ей Богу! Видите—мертвыя

— Чистое мнѣ съ ними наказаніе!.. Только не догляди — такое нарисуютъ, что потомъ на десяти возахъ не вывезешь... Хераусъ!

— Тьфу!

— Я вамъ плюну! Я вамъ плюну свинцомъ въ башку! Проходите, не путайтесь тутъ!!

— Ну, порядочки! Пойдемъ, коллеги!

Опять побрели. Гуськомъ. Согнувшись. Подъ мелкимъ дождемъ.

* * *

Изъ придорожнаго рва выползли нѣсколько художниковъ, отряхнули грязь съ одежды и, оглядѣвшись, сказали:

— Ужъ удобнѣе этого мѣста и не найдешь. Непріятель ушелъ, убитыми и ранеными покрыто все поле, — натуры масса — и ни одна собака насъ отсюда не сгонитъ. Усаживайтесь, коллеги!

— А тѣ вонъ люди... Они ничего намъ не скажутъ?

— Какіе?

— А вонъ тѣ, что бродятъ между ранеными и что-то дѣлаютъ штыками...

— Это наши же солдаты. Они почему-то тычутъ въ раненыхъ штыками...

Одинъ добродушный мюнхенецъ умиленно покачалъ головой:

— Работяги! Уже и битва кончилась, уже и непріятель ушелъ, а они все хлопчутъ, возятся, рукъ не покладаютъ!..

— Да ужъ... Нѣмецъ все любитъ сдѣлать аккуратно.

— Садитесь, господа, сюда поближе... Отсюда лучше лица видны. Какая чудесная тоска въ глазахъ этого пробитаго пулей пѣхотинца. Рисуйте, пока къ нему не подошли...

— Одолжите вашего кармина...

— Сдѣлайте одолженіе!

— Опять?! Хераусъ!!

— Тьфу! Пойдемъ, господа!

* * *

— ...Наконецъ, вотъ что, генераль... Укажите вы намъ, понимаете — вы! Укажите — что можно писать?!

— Что? Да вѣдь вы баталлисты? Ну, изображайте битву, а не чортъ знаетъ что. Понимаете? Настоящую битву, а не эти... частности.

Вздохнули, кроткими глазами глядя на страшнаго генерала:

— Понимаемъ.

* * *

За двѣсти шаговъ было слышно, какъ бушевалъ, бѣсился и гремѣлъ сердитый генераль.

— Чортовы вы муштабели! Мольберты вы кривоногіе! Рожи ваши карминныя! Что вы такое тутъ изобразили?! Нѣмецкимъ языкомъ я вамъ говорилъ, свиньи треклятыя, — думъ-думъ вамъ въ оба уха! — нѣмецкимъ языкомъ я вамъ говорилъ, что нужно рисовать батальную сцену?!!

— Да, Господи жъ, — оправдывались сконфуженные художники. — А мы что же нарисовали? Битва жъ и нарисована.

— Дать вамъ сапогомъ по затылку за такую битву. Это что?! Почему французы сзади бѣгутъ, а мы, нѣмцы, впереди, какъ зайцы?!

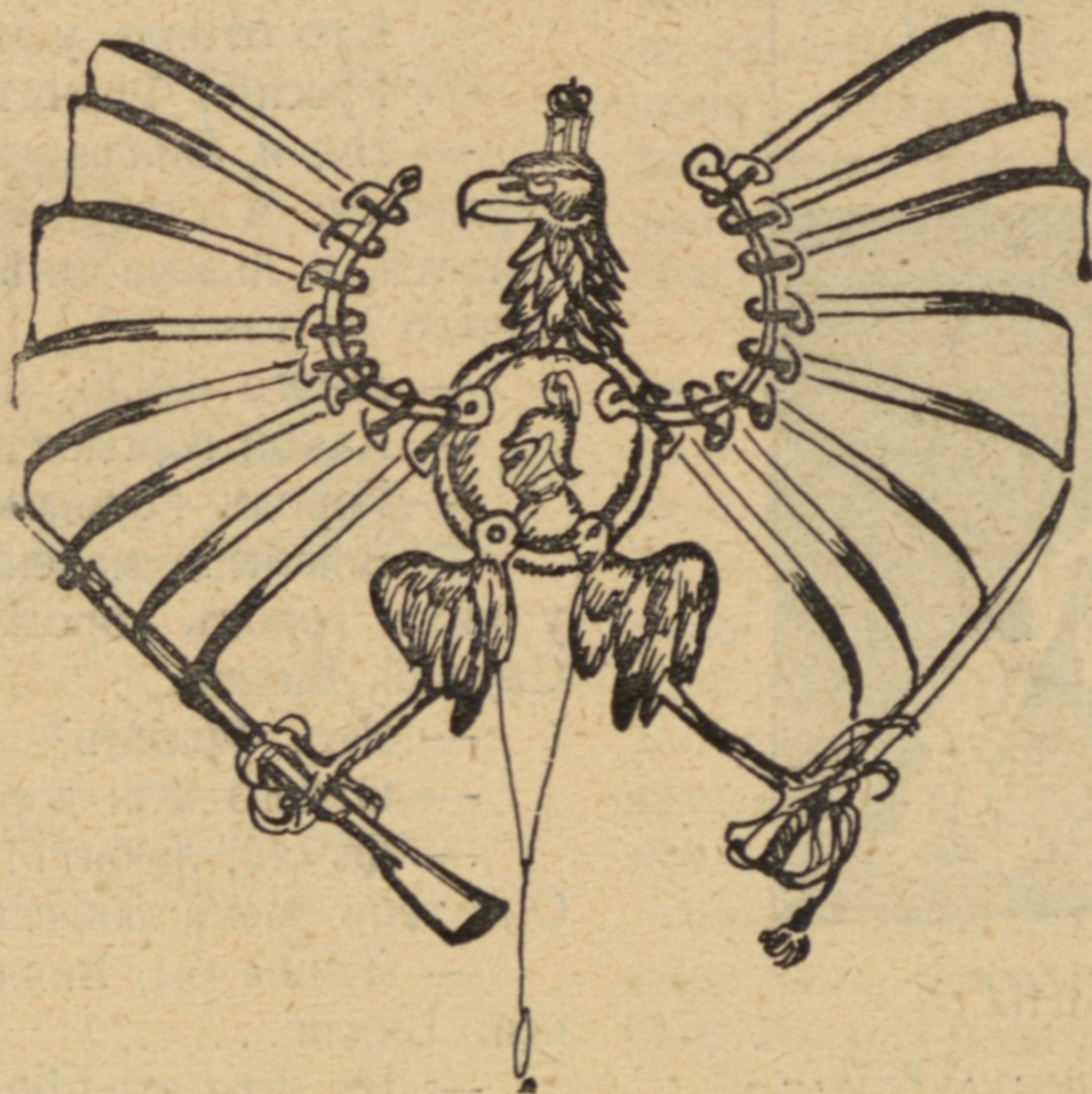
— А мы думали, что такъ надо... Видѣли такъ — ну, вотъ и нарисовали. Мы вѣдь не понимаемъ этихъ сложныхъ военныхъ штукъ.

— Я вамъ покажу военныя штуки! Вильгельмъ ждетъ не дожидается батальныхъ картинъ изъ эпохи войны, а вы ему — на-те — преподнесли!!

— А какъ же нужно было? — робко спросилъ одинъ художникъ. — Вы намъ скажите...

— Нужно что? Не люди вы, а кисти изъ свиной щетины! Нужно, чтобы французы бѣжали впереди, а нѣмцы за ними!.. Передѣлать!!

Рис. В. Лебедева.

— Да какъ же ее передѣлать... всю лѣвую сторону направо нужно переписывать, а правую — налѣво...

— И этого не сможете? Ну, глядите — это дѣлается проще...

Генераль выхватилъ саблю и, проведя концомъ ея сверху внизъ посрединѣ полотна, отрѣзалъ французовъ отъ нѣмцевъ...

— Видите. Теперь переставьте лѣвую сторону направо и обратно!! И склейте! Нѣмцы очутятся сзади, а французы удираютъ!! Ферштейнъ-зи, подрамники вы дубовые?!

* * *

Весь Берлинъ любовался на единственную батальную картину, привезенную съ поля битвы...

На ней изображались горделивые, грозные французы на коняхъ, съ поднятыми саблями, удиравшіе отъ скромныхъ безоружныхъ нѣмецкихъ солдатъ, которые гнались за ними, согнувшись и закрывъ руками головы...

Аркадій Аверченко.

ДОПРЫГАЛИСЬ.

Командиромъ 14-го армейскаго корпуса, вмѣсто генерала Гойнингенъ-Гюне, назначенъ генераль-лейтенантъ Ваттеръ.

(„Петроградскій Листокъ“.)

I.

Нѣмецъ выбить изъ фарватера,
Залегли ему пути:
Разъ Вильгельмъ дошелъ до Ваттера,
Дальше — некуда идти!

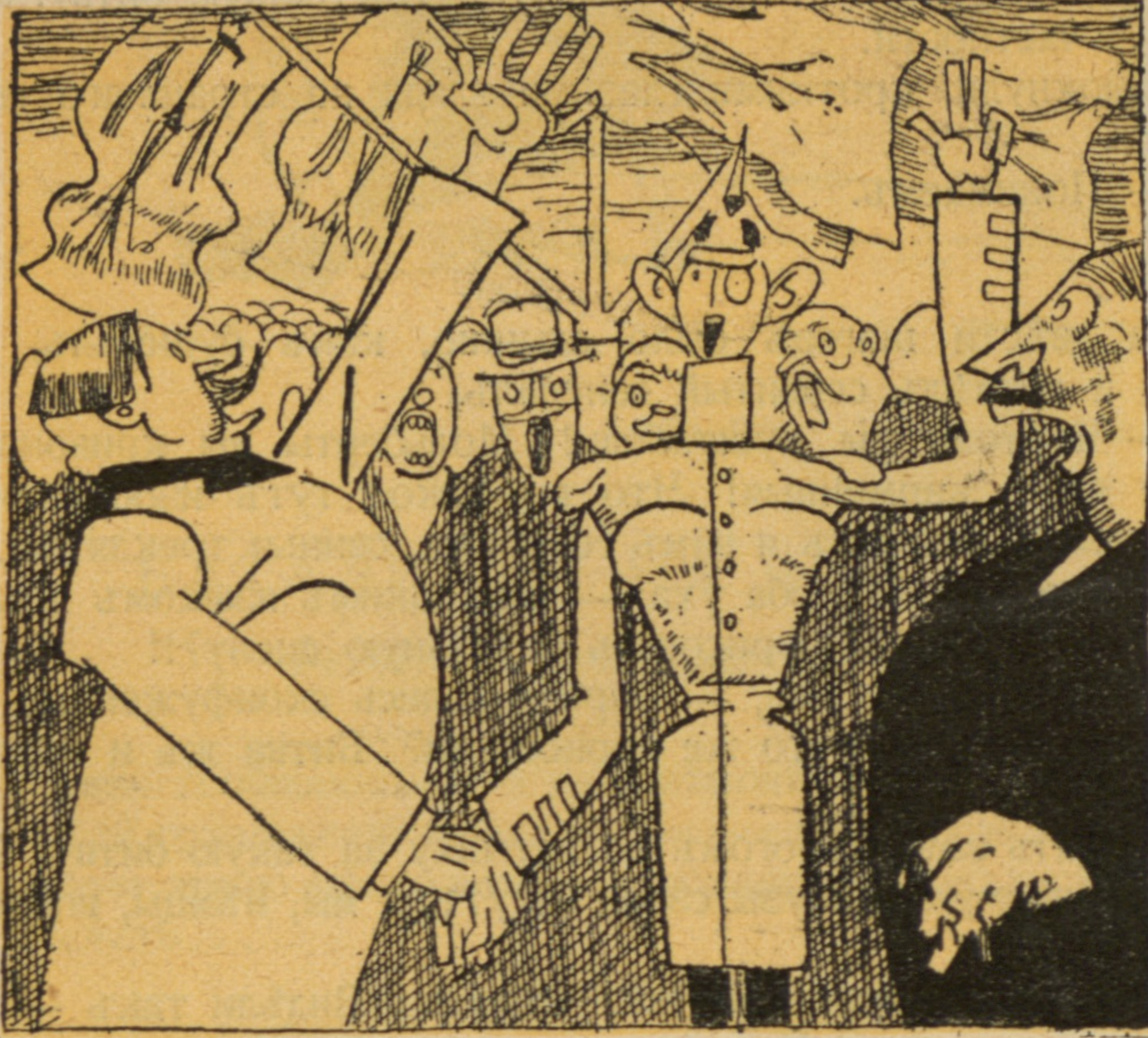
II.

«Два нуля» при «императорѣ»
До добра не доведутъ:
«Духъ» — поднимется при Ваттерѣ,
Но «бумаги» — упадутъ.

Владиміръ Воиновъ.

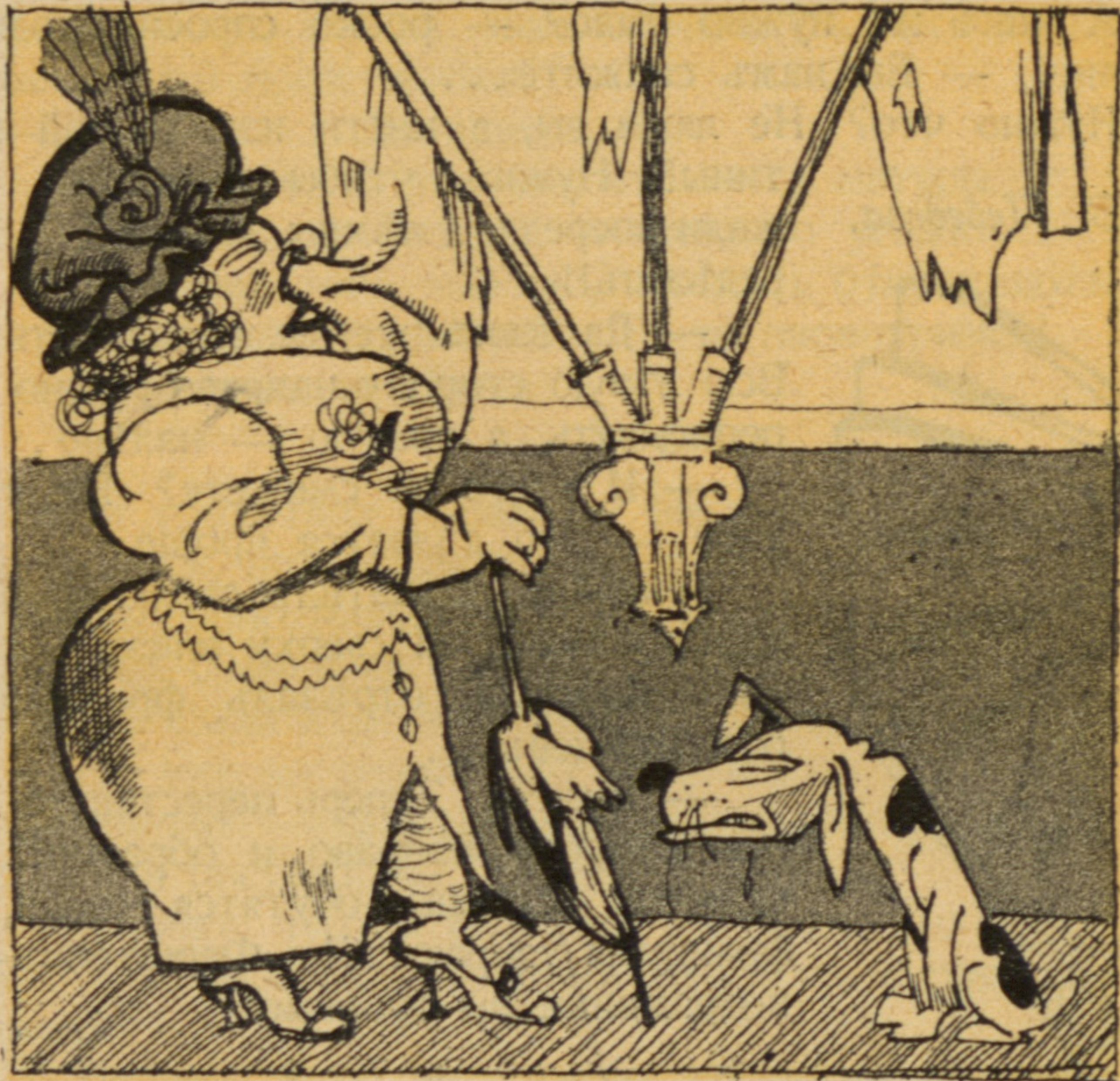
ДНИ ФЛАГОВЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Рис. Аэръ.

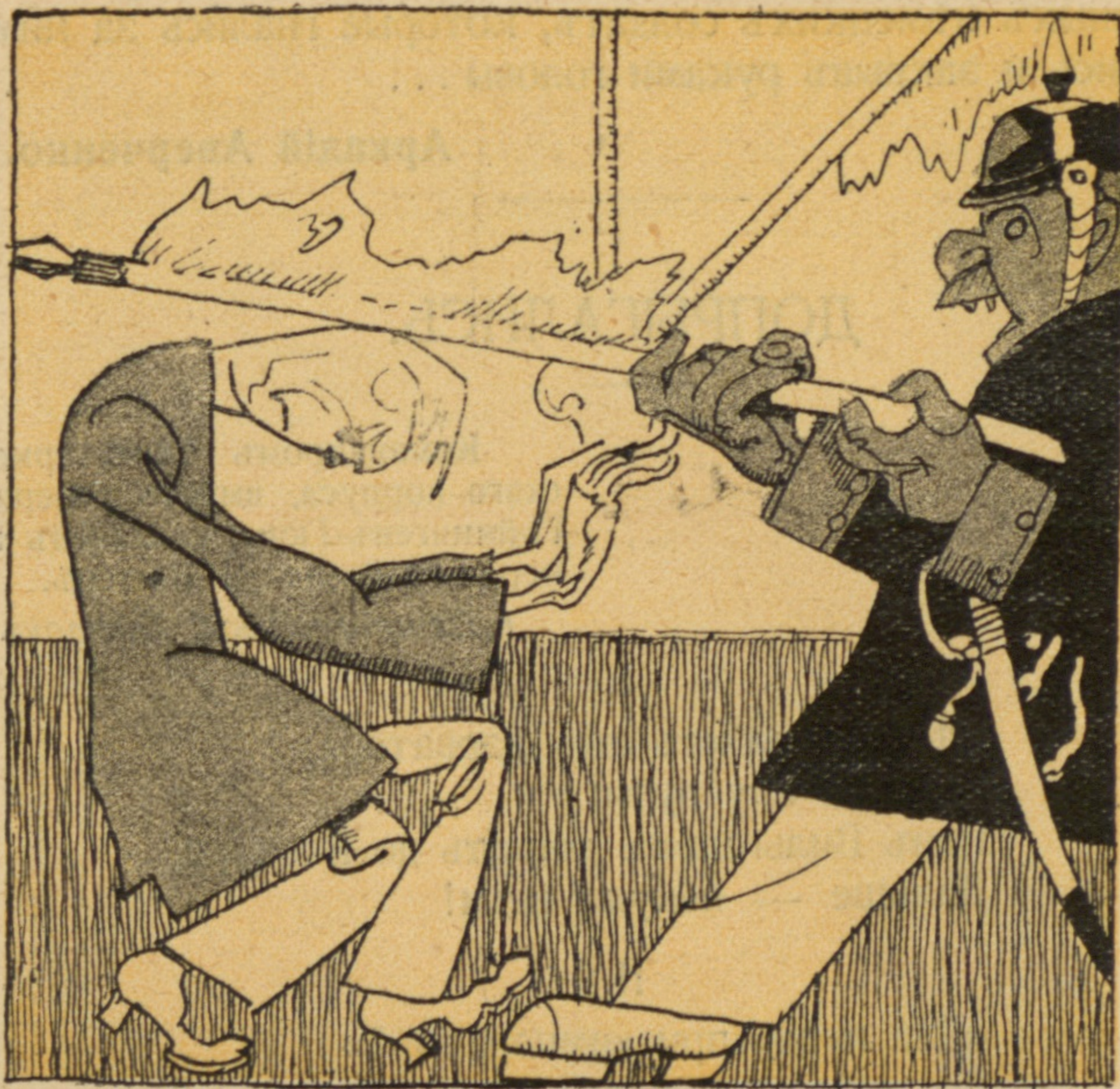
ВЪ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ.

— Да здравствует побѣдоносная Германия!!...

ВЪ ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ.

— Всѣ платки пожертвовала на раненыхъ... И вотъ... приходится...

ВЪ СороКОВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ.

— Вотъ, ты мнѣ поорешь еще, скотина проклятая!!... Sic transit...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕЛЕФОНЪ.

Вѣна — Берлинъ.

- Вилли?
 — Это ты, Францъ?
 — Я, я... это я, Вилли... еще я...
 — Ну, какъ живешь, Францъ?
 — Я еще живу, Вилли... Я еще долго буду жить... Я вѣдь еще молодой, Вилли... Мнѣ еще вчера графъ Тисса сказалъ: «вы совсѣмъ какъ ребенокъ, ваше величество».
 — А что ты дѣлаешь, Францъ?
 — Я, Вилли, сейчасъ кашку кушалъ... Мнѣ сейчасъ мою тирольскую куртку подадутъ, Вилли, знаешь — мою любимую — съ роговыми пуговицами и съ зелеными выпушками и петлицами. Я гулять пойду, Вилли... я такой!
 — Ну, гуляй, гуляй...
 — А что я хотѣлъ тебя спросить, Вилли?.. Я забылъ... Да, слушай, Вилли, ты не помнишь, сколько у меня этихъ... ну, какъ ихъ?.. этихъ самыхъ...
 — Пушекъ?
 — Нѣтъ... Ну, какъ ихъ?.. Вспомнилъ: моихъ дорогихъ народовъ. Сколько ихъ у меня?
 — Я не помню, Францъ. Посмотри на десяти кронахъ: они у тебя тамъ всѣ переписаны.
 — На золотыхъ? У меня нѣтъ золота, Вилли... я — бѣдный старикъ...
 — Не хнычь! На бумажныхъ!
 — На бумажныхъ? Ну, бумажныхъ у меня, Вилли, есть... Я много велѣлъ напечатать... Я потомъ посмотрю... Слушай, Вилли, говорятъ, мои дорогіе народы Львовъ взяли? Правда это? Тисса такая свинья... ничего мнѣ, старику, не говоритъ... и газетъ не даетъ.
 — Францъ, не твои дорогіе народы Львовъ взяли, а у тебя Львовъ отняли.
 — Кто отнялъ у меня Львовъ? Кто смѣлъ отнять?
 — Русскіе, Францъ.
 — Ну, я, Вилли, не буду на нихъ сердиться: мнѣ вредно сердиться: я старенькій. Мнѣ лишь бы Лембергъ у меня остался, а Львова мнѣ не жалко. А больше русскіе у меня ничего не взяли?
 — Много взяли, Францъ. Городокъ еще взяли.
 — Какой городокъ, Вилли?
 — Городъ Городокъ, Францъ.
 — Значить, маленькій? Ну, ничего, пусть берутъ. А я у нихъ городъ городище отниму — большой городище!.. Слушай, Вилли...
 — Что, Францъ?
 — Отчего мои дорогіе народы не любятъ меня?
 — Да они любятъ! Они только такъ. Не показываютъ. Они тебя очень любятъ.
 — Лучше бы, Вилли, они показывали. Я очень несчастный, Вилли...
 — Ну, что ты, Францъ! Чѣмъ же ты несчастный?
 — Я, Вилли, хотѣлъ Кіевъ завоевать, а Тисса говоритъ: надо укрѣплять теперь Вѣну. И тирольской куртки моей нѣтъ, теплой, съ зелеными выпушками.
 — А гдѣ же она, Францъ? Отчего ея нѣтъ?
 — Тисса въ чемоданъ запаковалъ. Собирать, говоритъ, надо пожитки. Некогда, говоритъ, теперь рядиться.
 — Ничего, Францъ. Обойдется.
 — Вилли, отчего бѣгутъ мои дорогіе народы? Мнѣ камердинеръ мой сказалъ, мой старый Фридрихъ, что они бѣгутъ во всѣ лопатки. Куда они бѣгутъ, Вилли?
 — Къ Вѣнѣ, Францъ.
 — Такъ это же хорошо, если къ Вѣнѣ, Вилли. Лишь бы они мимо не пробѣжали съ разбѣга. Они не пробѣгутъ мимо? Какъ ты думаешь, Вилли?
 — Не пробѣгутъ, не пробѣгутъ. У Вѣны останутся.
 — Вилли, что я еще хотѣлъ тебѣ сказать?.. Забылъ... Ахъ, да, Вилли, зачѣмъ ты взялъ Краковъ? Такого уговора не было. Ты Варшаву долженъ былъ взять, а не Краковъ. А ты Краковъ взялъ. Это не игра, Вилли... Отдай Краковъ назадъ.
 — Кто тебѣ сказалъ про Краковъ, Францъ?
 — Тисса сказалъ. Ты отдай мнѣ, Вилли, Краковъ. Это не игра. Ты, вѣдь, не русскій — ты нѣмецъ. Будь ты русскій, я бы слова не сказалъ. Взялъ, — такъ и владѣй. А ты нѣмецъ. Ты не долженъ брать Краковъ. Мы не такъ уславливались.
 — Такъ я же временно его занялъ, Францъ. Чтобы отстоять его отъ русскихъ. Для твоей же пользы, Францъ.
 — Да, для моей пользы, какъ же! Знаю я тебя! Тамъ вѣдь девяносто тысячъ моихъ дорогихъ народовъ стояло, въ

Краковъ. И всѣ въ разныхъ курткахъ — кто въ синихъ, кто въ сѣрыхъ, кто въ красныхъ.

— Я велѣлъ ихъ вывести, Францъ. Они не годятся.

— Для чего не годятся, Вилли?

— Для защиты крѣпости. Я ихъ въ поле вывелъ, Францъ.

— Такъ гдѣ же они теперь, Вилли?

— Навѣрно бѣгутъ, Францъ.

— Куда бѣгутъ?

— Да, должно быть, Францъ, по направленію къ Вѣнѣ.

— По направленію къ Вѣнѣ? Ты увѣренъ, Вилли? О, мой дорогіе народы! Значитъ, они все-таки любятъ своего стараго Франца... Вилли... ты слушаешь, Вилли? Мнѣ пора горькую воду пить — я пойду... А ты Краковъ-то мнѣ потомъ отдай... Ты его не зажилъ, Вилли...

— Donnerwetter, отвязись, старикъ, повѣсь трубку! Меня изъ Бельгій вызываютъ.

— Вызываютъ? Я думалъ, ужъ давно вызвали...

Влад. Азовъ.

БИТКИ ПО-КАЗАЦКИ.

I.

У нашихъ казаковъ
Обычай таковъ:
Надалъ тумачковъ
Ордѣ пруссаковъ,
Да и... былъ таковъ!

II.

Казацкій пикъ
Да пара пикъ,
И нѣмецъ въ мигъ
Съ коня, какъ куль,
Въ канаву — прыгъ!
Буль-буль...

(Sic!)

III.

Рис. Миссъ.

— Положеньице: съ нѣмцами пойдешь — русскіе поколотятъ... Съ русскими пойдешь — а вдругъ нѣмцы верхъ возьмутъ?! Нейтралитетъ держать — тоже плохо: нѣмцы деньги отнимутъ!!... Вотъ тутъ и вертись!...

„СЪ ОПОЗДАНИЕМЪ“.

Нашъ поѣздъ шель «безъ расписанія»... И то — слава Богу!.. Хорошо еще, что везутъ... По военному времени и хуже бываетъ.

Публика въ «купѣ третьяго класса» подобралась самая разношерстная: тутъ и попадаья изъ глухой провинціи, и вездѣсущій коммивояжеръ, и степенный купецъ съ окладистой бородой, и «такъ себѣ люди»... Ничего себѣ пассажиры — не изъ послѣднихъ!..

Всѣ «три этажа» заняты. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, какъ говорится: доѣдемъ какъ-нибудь... И хуже бываетъ!..

* * *

— И до чего это отменно, до чего хорошо, что монополюшки такъ плотно прикрыли! — воскликнула восторженно попадаья, удобно сложивъ руки на выплывшій впередъ животъ. — Вы даже и представить себѣ не можете... Благодаръ-то какая!.. Вѣжливость кругомъ пошла, благоденствіе, никакихъ безчинствъ нигдѣ... Пьянаго — днемъ съ огнемъ не сыщешь, хоть за деньги показывай!..

— Оно, конечно, — задумчиво согласился съ попадаей тощій человѣчекъ въ пиджакѣ, — мѣра разумная, а только скажу я вамъ, сударыня, для иныхъ она съ опозданіемъ...

— Прекратить пьянство никогда не поздно, — убѣжденно заявляю я. — Вы только представьте — ни одного пьянаго во всей Россіи!.. Да вѣдь это сказка, вѣдь это настоящее чудо!..

— А все же, господинъ хороший, для нѣкоторыхъ лицъ все это ни къ чему, потому, какъ мѣра эта самая съ опо-

зданіемъ, — упрямо повторилъ тощій человѣчекъ, оправляя куцый пиджакъ. — Можетъ, и благодать, да не для всѣхъ, потому, какъ отдѣльные лица зря пострадали...

Всѣ мы устремляемъ взоры на упрямаго человѣчка въ куцомъ пиджакѣ. Видно, что ему хочется чѣмъ-то подѣлиться съ нами. Во всей его тощей фигуркѣ и въ бѣлесыхъ глазахъ — испугъ и растерянность.

— Да ты Расскажи толкомъ, миляга, по какой причинѣ съ опозданіемъ, а то ты все бубнишь, а что къ чему — неизвѣстно, — ласково ободряетъ мужиченка въ грязномъ тулупѣ.

— Конечно, говорите яснѣе! — хоромъ упрашиваемъ мы.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ и разъяснить все это, — смущенно началъ испитой человѣчекъ. — Я, видите ли, всегда былъ характера слабаго и издавна къ «ей» пристрастіе имѣлъ...

Ужъ чего-чего не перепробовалъ: и въ церквахъ подписки давалъ, и у докторовъ лѣчился, и по газетамъ средства выписывалъ, и къ трезвенникамъ ѣздилъ, — безо всякой для себя пользы. Какъ съ товарищами спутаюсь, такъ и пошелъ крутить!.. Совсѣмъ въ уныніе пришелъ, вижу — крышка.

Тутъ одна старушонка и посовѣтуй: одно, говоритъ, тебѣ, Митрій, спасенье и есть — жениться. Можетъ, тогда остепенишься. Ужъ если, говоритъ, женитьба не поможетъ, значитъ, на роду тебѣ такъ и написано, чтобы

впьянѣ жизнь свою завершить. Подумалъ я, обмозговалъ все, какъ надлежитъ, и заявился къ старушкѣ: вѣрно, говорю, Степановна, и впрямь, видно, надо жениться...

Да кто за меня, за этакого поидеть!.. А старуха и шамкаетъ: объ этомъ ты, молъ, не сумлѣвайся, я, говоритъ, тебѣ и невѣсту сыскала солидную; она хотя и вдова, говоритъ, а женщина сурьезная, — Тарахтѣевой, Настасьей, звать. Эхъ, была не была, думаю!.. Тарахтѣева, такъ Тарахтѣева — одинъ конецъ. Все равно пропадать-то. Ну, и сосватала.

За двѣ недѣли до мобилизаціи и свадьбу сыграли... А она, эта самая Настасья, куда какая характерная оказалась. За-но-за!.. Лютѣй и не выдумаешь!.. Ну, вижу я, у этой не запьешь, гдѣ тамъ!.. Баба здоровенная, такую выволочку задасть, что своихъ не узнаешь... И трезвому-то иной разъ влетало. А тутъ, какъ на смѣхъ, и казенкамъ крышка объявилась. Вотъ и поди жъ ты, какое дѣло...

Чистая бѣда!..

Тощій человѣчекъ тяжело вздохнулъ, медленно вытеръ цвѣтнымъ платкомъ капли пота со лба и добавилъ:

— Вѣдь что обидно! Закрой эти монополюшки на двѣ недѣли пораньше, и никакой Тарахтѣевой не надо бы было. На что бы тогда съ такой ехидой связываться-то!.. А теперь понапрасну только жизнь свою загубилъ, жерновъ на шею себѣ привѣсилъ... Какъ подумаю обо всемъ этомъ, такъ и жизнь не мила... Эхъ, думаю, дуракъ ты, Митька, какъ есть дуракъ!.. Ну, что бы тебѣ обождать маленько!?.. Вотъ я и говорю потому: кому благодать, а кому и съ опозданіемъ.

— Ничего, дядя, — успокаиваетъ мужиченка, — не ровень часъ, монополюшки-то послѣ войны опять откроютъ, ну, баба-то, она и сгодится...

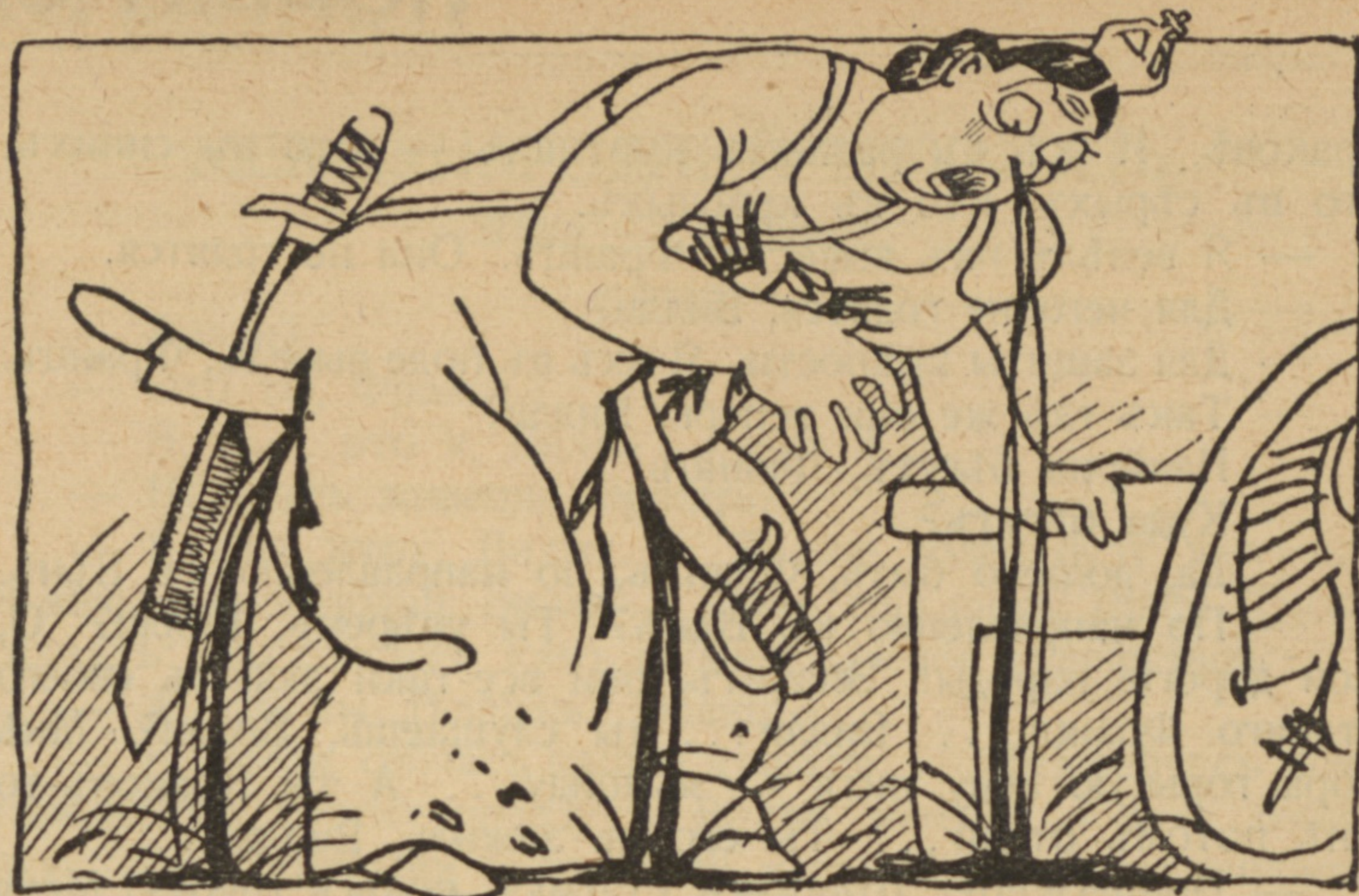
Всѣ мы соглашаемся съ мужикомъ и успокаиваемъ неудачника:

— Конечно, перетерпи!.. Пригодится!.. Какъ не пригодиться!..

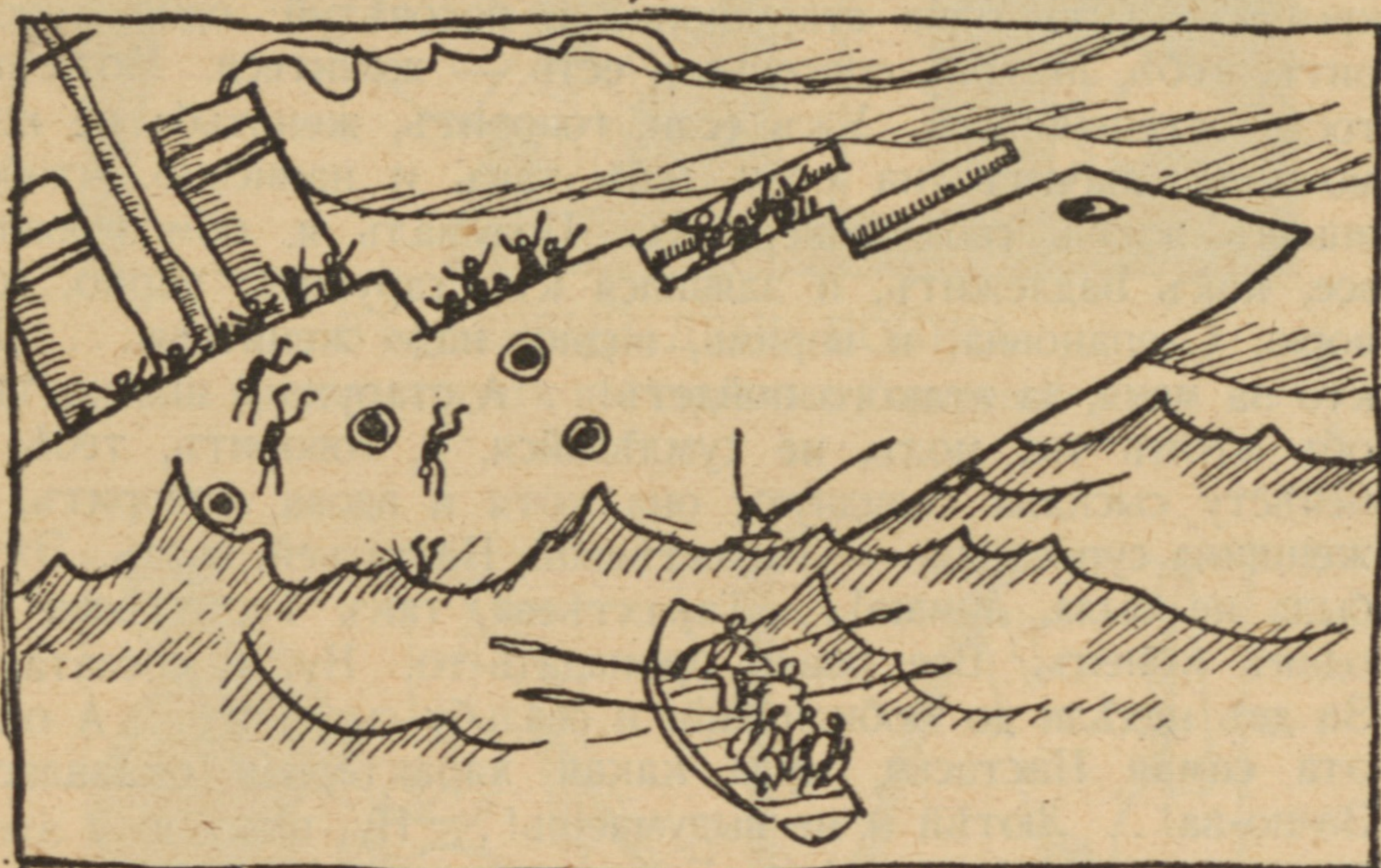
Полярный.

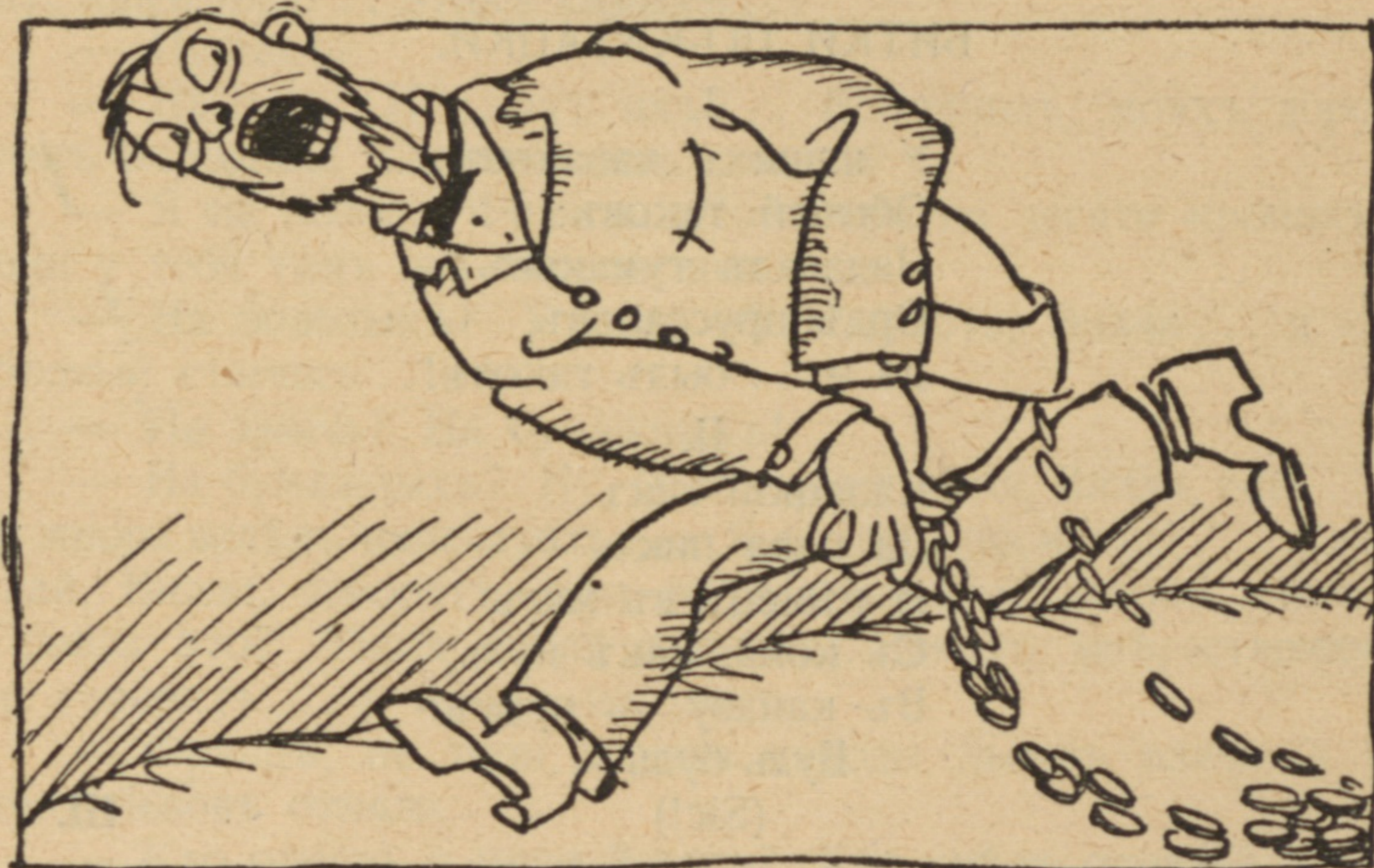
— Правильно ты говоришь, Гераклитъ: „Все течетъ“... Дѣйствительно!

Вся моя страна течетъ...

Флотъ — течетъ.

Наличность въ банкахъ — течетъ... Все течетъ!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ФАУСТА.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Невесело и мнѣ.

ФАУСТЪ.

Къ Ауэрбаху, что ль?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сомнительно, — зане
Изсякли средства. Денегъ нѣтъ въ кошнѣ.
Въ аду не вѣрятъ въ долгъ, учли моментъ печальны
Хотя я чортъ, — но чортъ національный.

ФАУСТЪ.

Ну, къ Маргаритѣ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Въ Ревелѣ она
Матчишь танцуетъ коммерсантамъ
И, кажется, пьяна.
Ее вчера съ нѣмецкимъ адъютантомъ
Я видѣлъ въ Мюнхенѣ, а давеча — въ Нанси,
На крышѣ, съ телеграфомъ;
Работаетъ не за одно «мерси»,
Съ какимъ-то — чортъ ихъ унеси —
Международнымъ графомъ.

ФАУСТЪ.

Что тамъ чернѣетъ? посмотри!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Корабль германскій трехмачтовый,
На мину налетѣть готовый;
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Портретъ Вильгельма, сухари,
Воды холодной сто ушатовъ,
Да прузъ нѣмецкихъ дипломатовъ.

ФАУСТЪ.

Все утопить!

А. С. Гринь.

ДОБРОВОЛЕЦЪ ИСААКЪ МАЙЗЕЛЬ.

(Дѣйствительный случай.)

Исаакъ Майзель, девятнадцатилѣтній юноша, служилъ въ одной изъ безчисленныхъ петроградскихъ конторъ.

Прибыль онъ въ Петроградъ года два тому назадъ и, за неимѣніемъ права жительства въ столицѣ, поселился въ Шуваловѣ.

— Собственно говоря, — рассказывалъ Майзель, — мнѣ и въ Шуваловѣ жить нельзя, но тутъ не такъ строго... Снимаю комнату, которая стоитъ десять рублей, — за двадцать... Сходить...

Частенько Майзелю на службѣ дѣлали выговоръ:

— Опаздываете. Приѣзжаете въ одиннадцать часовъ. Это безобразіе!

И добавляли:

— Если такъ будетъ продолжаться, мы вынуждены будемъ разстаться съ вами.

И давно бы «разстались» съ Майзелемъ, если бы не его прекрасное пониманіе дѣла и невѣроятная работоспособность.

Но что могъ сдѣлать Майзель? Поѣздъ не извозчикъ. Когда онъ изъ-подъ твоего носа ушелъ, ему не крикнешь:

— Эй, подожди! Я опоздалъ на пять минутъ. Дай только вскочу...

А когда поѣздъ ушелъ, жди цѣлый часъ, пока прибудетъ второй поѣздъ.

Изъ-за проклятаго поѣзда Майзель однажды чуть-чуть не попалъ въ большую бѣду.

Майзель страшно любилъ театръ, въ особенности оперу. Однако здравый смыслъ всегда удерживалъ его отъ театра. Сердце говорило:

— Ну, чего смотришь, Исаакъ? Купи билетъ и ступай въ оперу. Сегодня Шаляпинъ поетъ. Съ галерки такъ хорошо слышно.

Но холодный разумъ твердилъ:

— Не ходи, Исаакъ. Не поспѣешь на поѣздъ, гдѣ ночевать будешь? О правожителствѣ забудь, Исаакъ?..

Разъ Майзель не послушался холоднаго разума, пошелъ

на Шаляпина и, дѣйствительно, опоздалъ къ поѣзду и попалъ въ такую бѣду, что еле выпутался.

Одинъ изъ его пріятелей какъ-то сказалъ ему:

— Чего вы мучаетесь, Майзель? Поѣзжайте въ Гельсингфорсъ къ пастору Пирру... Все сразу и кончится. Въ нашъ вѣкъ мучениковъ за вѣру нѣтъ.

Въ то время пасторъ Пирръ еще помогаль отъ «правозительства»... Исаакъ Майзель соблазнился.

— Въ самомъ дѣлѣ, — думаль онъ, — мучениковъ за вѣру теперь нѣтъ. Поѣду въ Гельсингфорсъ.

Собрался онъ, какъ слѣдуетъ, назначилъ день, совсѣмъ ужъ приготовился, но тутъ отецъ помѣшалъ.

Отца своего Исаакъ Майзель не помнилъ, такъ какъ онъ умеръ, когда Исааку было пять лѣтъ.

Но еврейскій отецъ — особый отецъ... Когда сыну грозитъ опасность, онъ изъ гроба встанеть, чтобы помочь сыну.

Такъ было и съ Исаакомъ Майзелемъ.

Ночью, во снѣ, къ нему явился покойный отецъ и сказалъ ему:

— Исаакъ! Ты хочешь обмануть и нашего Бога и ихняго Бога... Тебѣ всего восемнадцать лѣтъ, а ты уже такой обманщикъ. Стыдись!

На слѣдующій день Исаакъ всталъ, одѣлся и сталъ вынимать изъ чемодана вещи.

— Вы ужъ не ѣдете въ Гельсингфорсъ? — спросила хозяйка.

— Нѣтъ! — сурово отвѣтилъ Майзель: — я ѣду на службу. Комната опять остается за мной...

Пріятелю, который ему посовѣтоваль поѣхать въ Гельсингфорсъ, онъ сказалъ:

— Ничего не вышло... Мучениковъ за вѣру, конечно, въ нашъ вѣкъ нѣтъ, — только... знаете, слишкомъ ужъ я, должно быть, еврей... Переевреили меня, должно быть...

И вдругъ наступилъ моментъ, когда Исаакъ Майзель почувствовалъ всей душой, всѣмъ сердцемъ, что онъ не только «слишкомъ еврей», но что онъ и «слишкомъ русскій».

Случилось это въ день объявленія намъ Германіей войны.

Пріѣхаль онъ, по обыкновению, изъ Шувалова, взялъ книги и сталъ работать. Но работа не клеилась.

Въ каждой книгѣ, на каждой страницѣ, казалось ему, было написано:

— Бухгалтеріей занимаешься... Люди пойдутъ умирать, а ты бухгалтеріей будешь заниматься... Молодчина, Исаакъ!

На слѣдующій день онъ сталъ хлопотать о зачисленіи его добровольцемъ.

Встрѣтились препятствія, но Исаакъ Майзель преодолѣлъ всѣ препятствія, — его зачислили добровольцемъ.

Назначили его въ полкъ, но полкъ этотъ остался на мѣстѣ, и Майзель опять сталъ хлопотать, чтобы его, Майзеля, отправили на передовыя позиціи.

Встрѣтились препятствія, но Исаакъ Майзель преодолѣлъ и эти препятствія. Счастье улыбнулось ему, — его отправили на передовыя позиціи.

— О, мы имъ покажемъ! — возбужденно говорилъ Исаакъ Майзель. — Будутъ помнить, поганцы, какъ лѣзть на Россію...

Исаакъ Майзель ушелъ воевать.

На-дняхъ одинъ изъ конторскихъ товарищей Майзеля получилъ отъ него письмо.

Майзель пишетъ:

«Былъ въ бою. Мы имъ, подлецамъ, здорово наклали. Будутъ помнить. Все благополучно, только я получилъ рану въ пахъ, да еще обѣ ноги прострѣлены. Докторъ говоритъ, что я тяжело раненъ, но какое тамъ «тяжело», когда я уже могу писать вамъ письмо. Жаль только, что одну ногу, а именно лѣвую, придется отнять, и я не смогу опять пойти на поганцевъ. Съ одной ногой не пустятъ»...

Дальше Исаакъ Майзель проситъ кланяться всѣмъ сослуживцамъ.

А въ концѣ письма онъ пишетъ:

«Кромѣ всего вышеизложеннаго, у меня къ вамъ, дорогой другъ, просьба. Такъ какъ я, вслѣдствіе лишенія ноги, буду вынужденъ снова вернуться въ Петроградъ,

то поѣзжайте

въ Шувалово и, если моя комната еще не сдана (въ Шуваловѣ, особенно къ зимѣ, не такъ ужъ легко сдавать комнату), скажите хозяйкѣ, что я ее оставляю за собой. Заранѣе благодарю васъ. Исаакъ Майзель».

Исааку Майзелю и тутъ повезло — его комната еще не была сдана, и она осталась за нимъ.

О. Л. Д'Орѣ.

БУКЕТЪ КРАПИВЫ.

(Присловки кстати.)

Какова дѣвка, такова и припѣвка.

I.

«Ахаль бы, дядя, на себя глядя»,

Вильгельму, лицемѣрно возмущающемуся русскими звѣрствами.

II.

«Видитъ котъ молоко, да рыло коротко», «На всякое хотѣніе есть терпѣніе». —

Голодному Вильгельму — по поводу обѣда въ Парижѣ.

III.

«На чужой каравай рта не разѣвай», «На чужія кучи глаза не пучи», «Не твой грошъ, такъ и не ворошь», «Не тычь носа въ чужое просо». —

Ему же. По тому же поводу.

IV.

«Дожили до клюки, что ни хлѣба, ни муки», «Было времячко, ѣли сѣмячко, а тепереча погодишь». —

Нѣмцамъ, лишеннымъ подвоза русскаго сыря.

V.

«Еле-еле душа въ тѣлѣ», «Этого Кузьму я и самъ возьму», «Этотъ другъ самъ безъ рукъ», «Храбрый рыцарь Ипполитъ и безъ пороку палить». —

Францу-Юсифу.

VI.

VII.

«И радъ бы въ корольки, да... животики коротки», «И ѣдотъ, да не тотъ». —

Вильгельму Бонапарту.

VIII.

«Ботало: на грошъ сработало, на алтынъ звону», «Иже не ври же: его же не пригоже», «Привелось кулику похвалиться на вѣку», «Мели, Емеля, твоя недѣля», «Сказывай тому, кто не знаетъ ъому, а я — братъ ему». —

Германскому Генеральному Штабу и Агентству Вольфа.

IX.

«Врозь да вкось, хоть все дѣло брось», «Поѣхаль бы вскачь, анъ сиди да плачь», «Приходится вертѣться, коли некуда дѣться», «Только и ходу, что изъ воротъ да въ воду». —

Побѣдоносной австрійской арміи.

X.

«И рѣчисть, да не чистъ», «И сболтнулъ бы котокъ, да языкъ коротокъ», «Какъ тутъ говорить, коль не дають рта отворить». —

Вильгельму-оратору.

XI.

«Самъ съ усамъ», «По усамъ текло, а въ ротъ не пало», «На чужой кусъ, не засаливай усь». —

Вильгельму, обладателю пары знаменитыхъ усовъ.

XII.

«Не слушалъ отца, послушай кнутца», «Спохватился, какъ съ горы скатился», «Не чортъ копаль, самъ попалъ». —

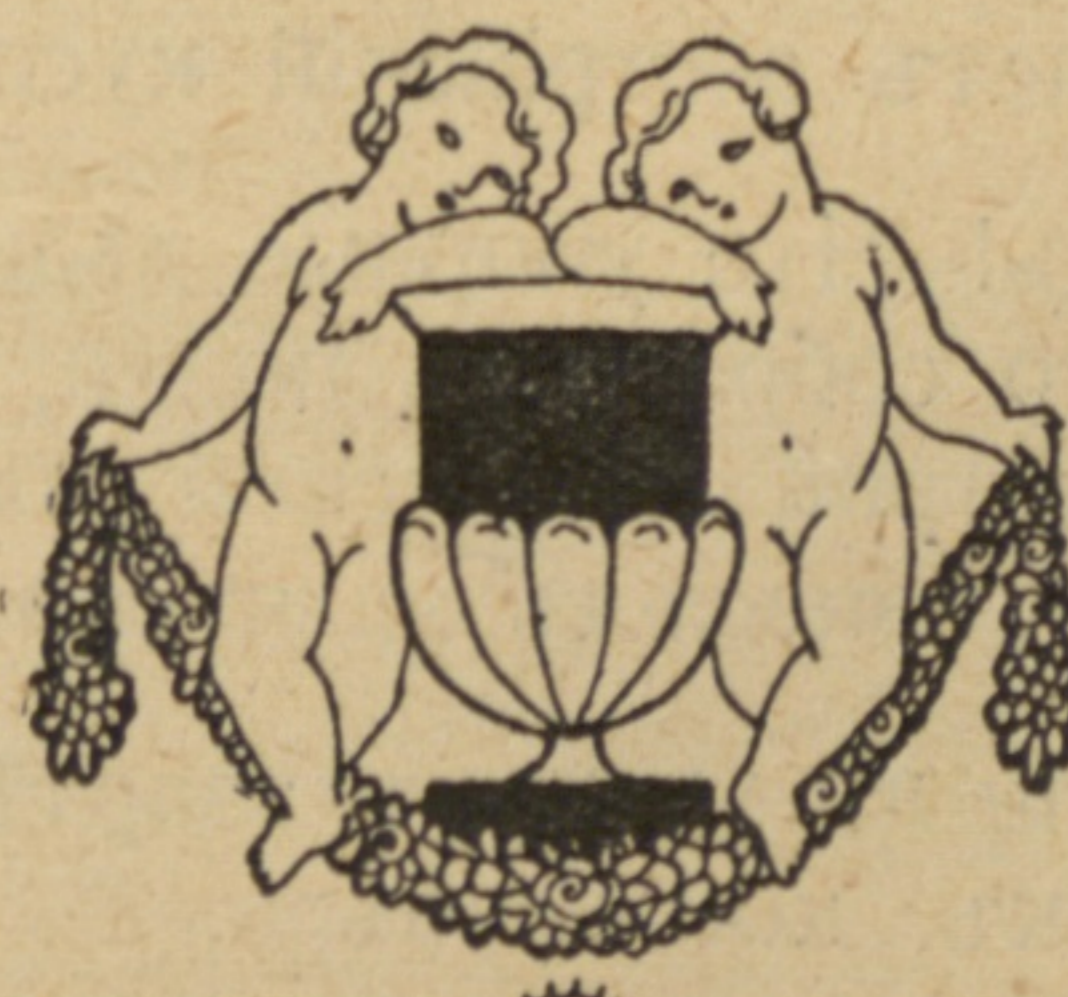
Ему же, поговаривающему о мирѣ.

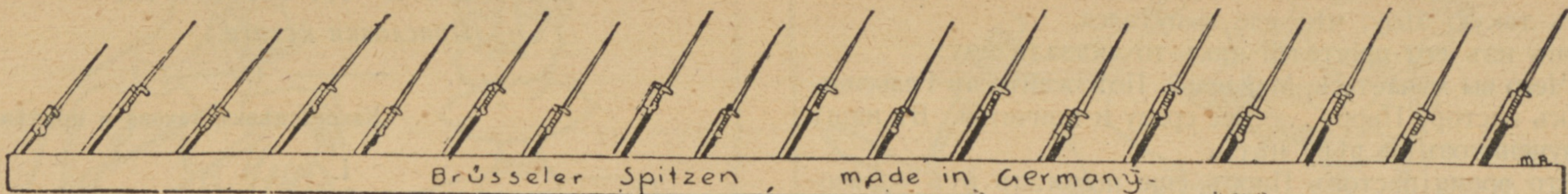
XIII.

«По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ хамъ». —

Вообще — нѣмцамъ.

Собраль Яковъ Яковкинъ.

Брюссельскія кружевныя спицы — made in Germany.

(NB. Впрочемъ, нѣмцы уже убираются изъ Бельгии. Прим. ред.)

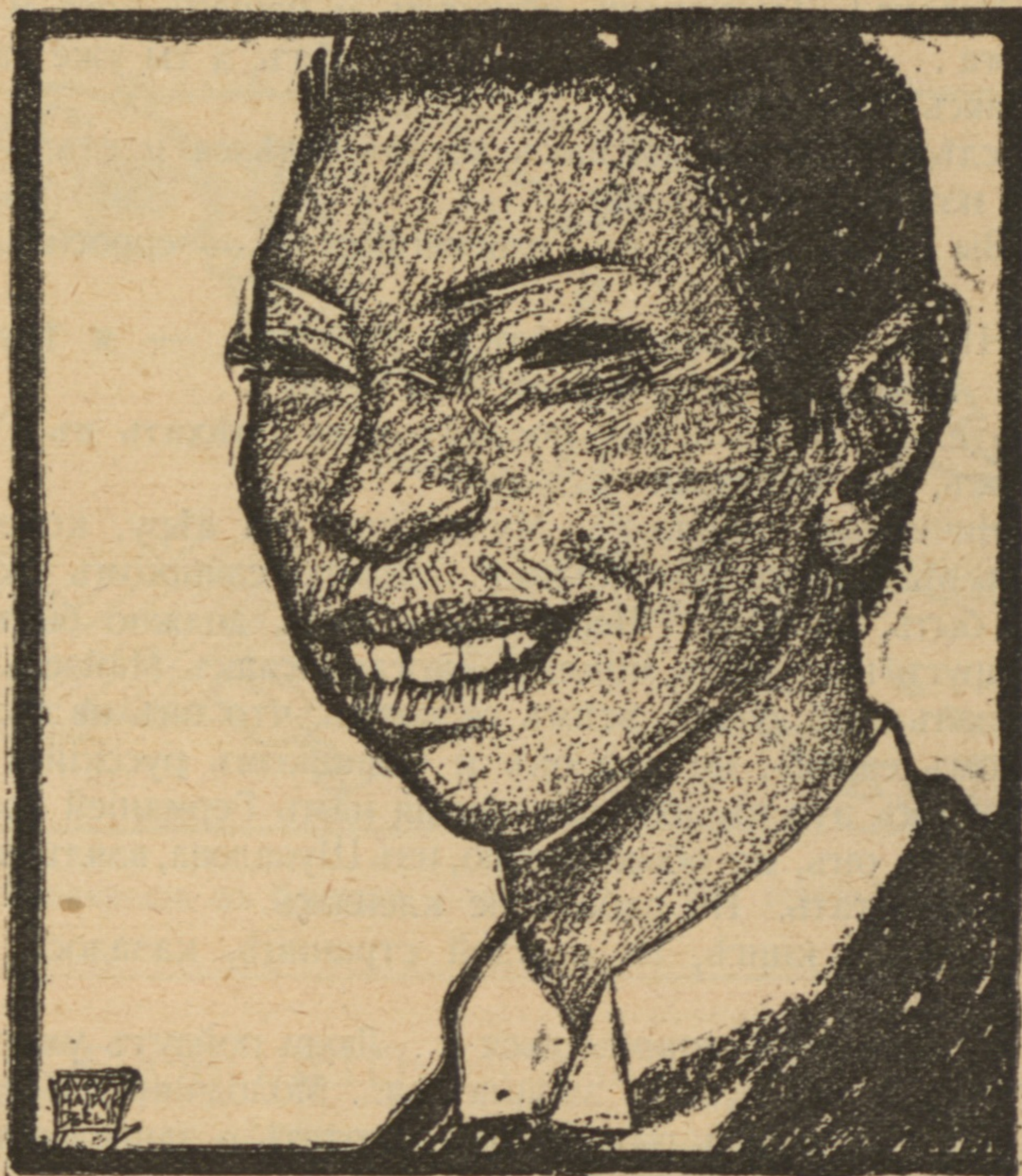
Германская икра (міровой экспортъ).

(NB. Скоро этотъ экспортъ прекратится. Примѣч. ред.)

Англичанинъ: — О, какъ мнѣ хочется къ матушкѣ!..

(NB. Это въ такое-то время, когда англичане совмѣстно съ французами гонять нѣмцевъ по всему фронту?!)

ЖЕЛТАЯ ХАРЯ.

О, негодяй! Смѣющійся проклятый негодяй!
Перо сюда! Я долженъ записать,
Что можно вѣкъ невинно улыбаться
И все же негодяемъ быть.

Шекспиръ.

(NB. Бѣдные нѣмцы! Даже сострить по поводу японцевъ ничего не могутъ. Просто ругаются съ пѣной у рта.)

„АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО“.

Я вѣрю, что, вызовъ свой бросивъ
Полкамъ, наступавшимъ на Прутъ,
Безпомощный, хилый Юсифъ,
Печально предвидѣль: сотрутъ...

И Австрія — гнойная рана
Великихъ славянскихъ сердець —
Подъ грознымъ ударомъ титана,
Невольно прошепчетъ: «конецъ»...

Но какъ въ старикѣ умиравшемъ
Не выросъ — кровавый укоръ?...
Проклятье, проклятье погнавшимъ
Страну на безстыдный позоръ!

Теперь онъ безумствуетъ: стерли...
Но какъ же подумать онъ могъ,
Что въ русскомъ объемистомъ горлѣ,
Застрянетъ австрійскій кусокъ?

Старикъ! Что упорные дѣды
Когда-то собрали въ полки, —
Отъ быстрой славянской побѣды
Теперь разнеслось на куски...

И послѣ, въ ученомъ азартѣ,
Историкъ, кончая дѣла,
Спокойно напишетъ на картѣ,
Гдѣ Австрія нынче: *Была...* Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Чудаки.

Изъ Антверпена телеграфируютъ:

— Огромная партія плѣнныхъ французовъ, число которыхъ достигало 8,000, не прибыла по назначенію, такъ какъ всѣ французы разбѣжались изъ германскаго плѣна

Говорятъ, что австрійцы до сихъ поръ не могутъ понять этого случая:

— Ка-акъ?! Люди уже нашли свою пристань, хорошо пристроились и вдругъ — на тебѣ! — убѣжали.

Нѣтъ, австріецъ не таковъ.

Черное и бѣлое.

Красивое свѣтлое пятно на темномъ фонѣ войны:

Послѣдніе нѣсколько дней черезъ Парижъ проходятъ африканскія войска. Ихъ ведутъ въ Марсель на соединеніе съ главной французской арміей.

Африканцы идутъ, почти бѣгутъ по улицамъ своимъ легкимъ плавнымъ шагомъ. Цвѣты, сладости, папиросы, воздушные поцѣлуи сыплются на нихъ безъ счета. Проходящіе тюркосы выразительнымъ жестомъ хватаютъ себя пальцами за горло: такъ они поступаютъ съ непріателемъ! При этомъ жестѣ сверкаютъ ихъ бѣлые зубы въ жестокой и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтской улыбкѣ.

Одинъ изъ тюркосовъ обращается къ дѣвушкѣ, бросившей ему цвѣтокъ:

— Дайте мнѣ вашъ адресъ, мадемуазель. Я пришлю вамъ прусскую каску.

Дѣвушка краснѣетъ до корней волосъ.

— А если вы не... не сможете исполнить этого обещания?
 — Тогда мои товарищи исполнят его за меня.
 Улыбающиеся черные лица окружают дѣвушку.
 — Клянемся, мадемуазель, что у васъ будетъ прусская каска.
 И 20 человекъ записываютъ адресъ дѣвушки.

Дѣвушку окружаютъ чернокожие. Дикари.
 И она себя чувствуетъ хорошо. Спокойно.

Такъ ли бы она себя чувствовала, если бы ее окружали нѣмецкіе солдаты?..

Старая веселая Англія.

Великобританское адмиралтейство заявляетъ:

„Германцы уже три раза со времени начала военныхъ дѣйствій потопили англійскій крейсеръ „Уорриоръ“.

Предлагается для слѣдующей очередной лжи избрать какое-либо другое британское судно“.

„Биржев. Вѣдомости“ дѣлаютъ къ этому примѣчаніе:

Стиль заявленія великобританскаго адмиралтейства — стиль стараго англійскаго юмора Теккерей и Диккенса.

Въ этихъ немногихъ строкахъ не только убійственный сарказмъ по адресу германскаго флота и жестокое обличеніе лживости нѣмецкихъ реляцій, въ нихъ глядитъ еще и безграничное, невозмутимое спокойствіе великобританскаго адмиралтейства.

Это спокойствіе лучше всего другого показываетъ, что положеніе союзниковъ на западномъ театрѣ прекрасно. Если англійское адмиралтейство допустило теккереевскій юморъ въ *официальное* заявленіе — значитъ можно быть спокойнымъ.

Какъ все нынче перепуталось: Джеромъ К. Джеромъ громитъ нѣмецкій вандализмъ убійственными филиппиками, а старые лорды адмиралтейства — вооружились бездѣлничавшимъ Джеромовскимъ перомъ и разятъ нѣмца больнѣ, чѣмъ судовой артиллеріей.

Отомстилъ.

Въ Берлинѣ большую сенсацию произвело распоряженіе императора Вильгельма, въ силу котораго запрещается членамъ германскаго дипломатическаго корпуса и служащимъ всѣхъ германскихъ посольствъ и консульствъ всгупать въ бракъ съ иностранками.

Причиной этой запретительной мѣры будто бы явилось то, что женщины, не принадлежащія къ германской расѣ, не отличаются достаточной скромностью и часто разбалтываютъ государственныя тайны, ввѣряемая имъ супругами.

Какая жестокая, ехидная месть нѣмецкимъ дипломатамъ: плохо вели внѣшнюю политику — такъ вотъ же вамъ: женись на нѣмкахъ!

Ничего не подѣлаешь... Придется жениться на нѣмкахъ. Бѣдные дипломаты.

Научное.

Въ серьезной научной работѣ „Всенѣмецкая Германія“ проф. Реймеръ доказываетъ филологическимъ методомъ, что Иисусъ Христосъ является предвозвѣщеніемъ о грядущемъ германцѣ, такъ какъ буква „I“ въ этомъ имени фонетически однозначна съ „g“, а „g“ переходитъ въ „s“, и, такимъ образомъ, изъ „Jesus“ получается „Gegus“, въ которомъ „us“ есть не что иное, какъ свойственное латинскому языку окончаніе мужского рода, а оно соответствуетъ нѣмецкому „man“. Выходитъ, „Jesus“ равно „Gegman“, т. е. нѣмецъ.

Такимъ же образомъ, „Новый Сатириконъ“ беретъ сдѣлать другой выводъ: что такое за слово „Пруссакъ“?

„П“ стоитъ въ началѣ слова потому, что „П“ — символическое изображеніе висѣлицы. Стоитъ оно впереди, какъ предупрежденіе: скоро, молъ, нѣмцу петля будетъ.

Затѣмъ — слѣдующая часть слова: руссакъ. Два „с“ рядомъ (с.с.) означаютъ очень распространенное понятіе и должны слиться въ одно... Получается — русакъ, т. е. заяць. Это означаетъ, что нѣмцы скоро, какъ зайцы, побѣгутъ съ полей сраженія...

Такимъ образомъ, редакція „Нов. Сатирикона“ беретъ по методу проф. Реймера объяснить всякое слово, за что редакція будетъ взимать съ любопытныхъ по 10 руб. за каждое объясненное слово въ пользу семействъ запасныхъ...

Простые приемы.

Военный губернаторъ Брюсселя, фельдмаршалъ фонъ-деръ Гольцъ, грозитъ уничтожить до-тла весь городъ, въ случаѣ, если германскія войска, находящіяся въ Брюсселѣ, подвергнутся нападенію со стороны бельгійской арміи.

Въ дѣтской жизни эта тактика формулируется почти такъ же:

— Я у тебя, Гришка, буду отнимать твои яблоки, а если ты закричишь „мама“, — такъ я дамъ тебѣ по мордѣ.

Сантиментальная Гретхень.

Варшава. Со словъ прибывшихъ съ позицій офицеровъ гусарскаго и уланскаго полковъ, еще разъ долженъ засвидѣтельствовать о звѣрствахъ нѣмецкихъ сестеръ милосердія. Одинъ изъ раненыхъ солдатъ привелъ сестру въ нашъ лагерь, рассказавъ, что она подходила къ нему на полѣ сраженія и вынула ножъ, желая перерѣзать горло. Солдатъ собралъ послѣднія силы, вырвалъ ножъ и повлекъ ее въ сторону своихъ.

Съ сестрой поступили по закону военнаго времени, отправивъ протоколъ императору Вильгельму.

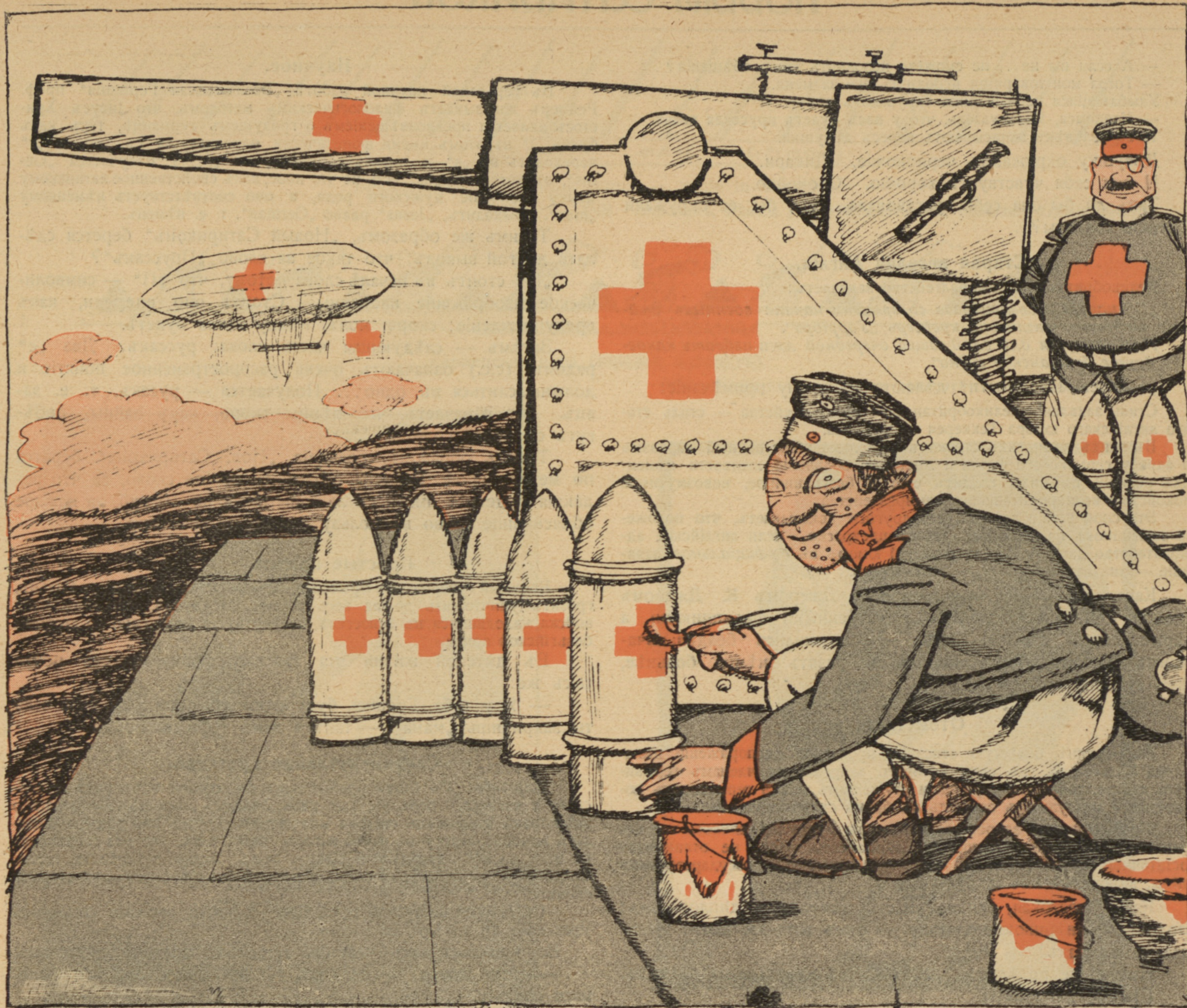
Воображаемъ, какъ будетъ возмущенъ императоръ Вильгельмъ:

— Экая дрянь, — скажетъ, — не могла одолѣть раненаго солдата!..

Рис. Миссъ.

С Л А В А П А В Ш И М Ъ.

Нѣмцы устанавливають пулеметы въ санитарныхъ повозкахъ Краснаго Креста.

— Мы тоже умѣемъ перекрашивать боевыя орудія въ „защитный“ цвѣтъ!..

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ разсказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ разсказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

ЮМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотека „НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

РЕЙМСКИЙ СОБОРЪ.

Рякнулъ грозно толстый Фрицъ,
Отрыгнувши кружку пива:
— Если бъ съ флагомъ сверху шпицъ,
Было бъ точно, что красиво! —

Ну, а то простой соборъ...
Старый — даже не покрашень! —
Злобой блещетъ Фрица взоръ, —
— Захочу и будетъ соръ
Изъ колоннъ, воротъ и башень.
— Фрицъ уменъ, — французъ же глупъ.
Мигомъ эти завитушки
(Ноч! тебѣ, великій Круппъ!)
Разстрѣляю я изъ пушки!!

Харкнулъ бомбой пушки зѣвъ
На чертогъ священный Духа!
Отъ восторга обалдѣвъ,
Повалился Фрицъ на брюхо.

И легенду столькихъ дней,
Сказку сказокъ, изъ камней
Вдохновенности узора,
Шайка подлыхъ дикарей
Превращаетъ въ груды сора!

А поручикъ фонъ-деръ-Шваль
(Въ Лотхенъ онъ влюбленъ до гроба)
Шепчетъ: — Жаль, ужасно жаль,
Сколько щепня и — какого!

Щебень чудо, какъ хорошъ,
Чтобъ посыпать имъ дорожки, —
Вѣдь тогда и безъ галошъ
Не промочить Лотхенъ ножки!

— А фигуру Жанны д'Аркъ,
Что стоитъ зря у собора,
Хорошо бы было въ паркъ
Къ намъ поставить, у забора.
— Richtig! — Фонъ-деръ-Шваль кричитъ...
Въ сотый разъ летитъ граната.

Скрыла ночь соборъ, какъ щитъ,
И таинственно и свято
Лики каменныхъ святыхъ
Изъ-подъ грудь глядятъ на землю;
Ихъ уста священный стихъ
Шепчуть кротко, уши ихъ
Слышать голосъ: — Вамъ Я внемлю!

А. Радаковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

На дняхъ выходить въ свѣтъ и поступаетъ въ продажу новая книга (выпускъ Дешевой библиотеки) **Аркадій Аверченко.**

„О нѣмцахъ и о прочемъ такомъ“...

Обложка раб. Ре-Ми. □ = □ Цѣна 10 коп.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Сев—ну, О. — „... А если не дадите гонорара, то проживу и безъ гонорара... Чортъ меня не возьметъ...“

И онъ будетъ совершенно правъ.

Кому нужны такіе?

Кувшинному Рылу. — „Въ альбомъ NN“.

Воспою я стансами

Вашу красоту

И какъ вы занимаетесь танцами,

И, вообще, вашу доброту.

А въ препроводительномъ письмѣ вы пишете, что „у васъ, какъ и у всякаго поэта, есть свой Пегасъ“.

И еще просите вы „дать вамъ совѣтъ“...

Какой совѣтъ дать вамъ?

Запрягите Пегаса въ извозчичью пролетку, возьмите въ Управѣ номеръ и зарабатывайте себѣ хлѣбъ перевозкой пассажировъ изъ одного мѣста въ другое.

Стихи писать нельзя.

Эльбе. (Кронверск.) — И еще одинъ Пегасъ — съ оторваннымъ хвостомъ и переломанными ногами:

На сценѣ я играю

И весело скакаю,

Но, зритель, посмотри —

Что у меня внутри.

Вотъ видите, какъ нехорошо: попало вамъ случайно въ руки перо, вы и обрадовались — этакое написали!

А пѣтухъ всю жизнь покрытъ съ ногъ до головы перьями — и никогда ничего не пишетъ.

Вотъ вамъ примѣръ.

Б. Провинція.

Казань — Асмодею — „Солдатъ приложилъ ложе ружья къ плечу, склонилъ голову немного на бокъ и, выровнявъ стволъ по направлению глаза (?), прищурилъ послѣдній“.

А знаете, какъ сказать то же самое немного короче?

Вотъ:

— „Солдатъ прицѣлился“.

Если на этотъ пустякъ у васъ выходитъ пять строкъ, то на описаніе заряжанія ружья вы потратите 2—3 страницы.

Дальше мы уже не читали. Правы, а?

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

I СЕРІЯ (6 шт.)

Художественныхъ открытыхъ писемъ.

I СЕРІЯ (6 шт.)

Издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-Ми.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
СКОБЕЛЕВСКИЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine française et italienne.

Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ

И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Наполеонъ I забавляетъ своего сына — императора римскаго...

Кронпринцъ: — Что же это такое, папаша?! Подковы-вають насъ и на восточномъ, и на западномъ театрѣ, а подметки мои все-таки скользятъ.

НѢМЦЫ ВЪ КАЛИШѢ.

— И еще говорятъ, что мы звѣри! Нѣтъ, мы добрые... Мы заботимся о томъ, чтобы даже собаки не были голодны!..